

**ВОРОБЕЙ
ГОТОВИТ
КВАС**

АУГУСТ ЯКОБСОН

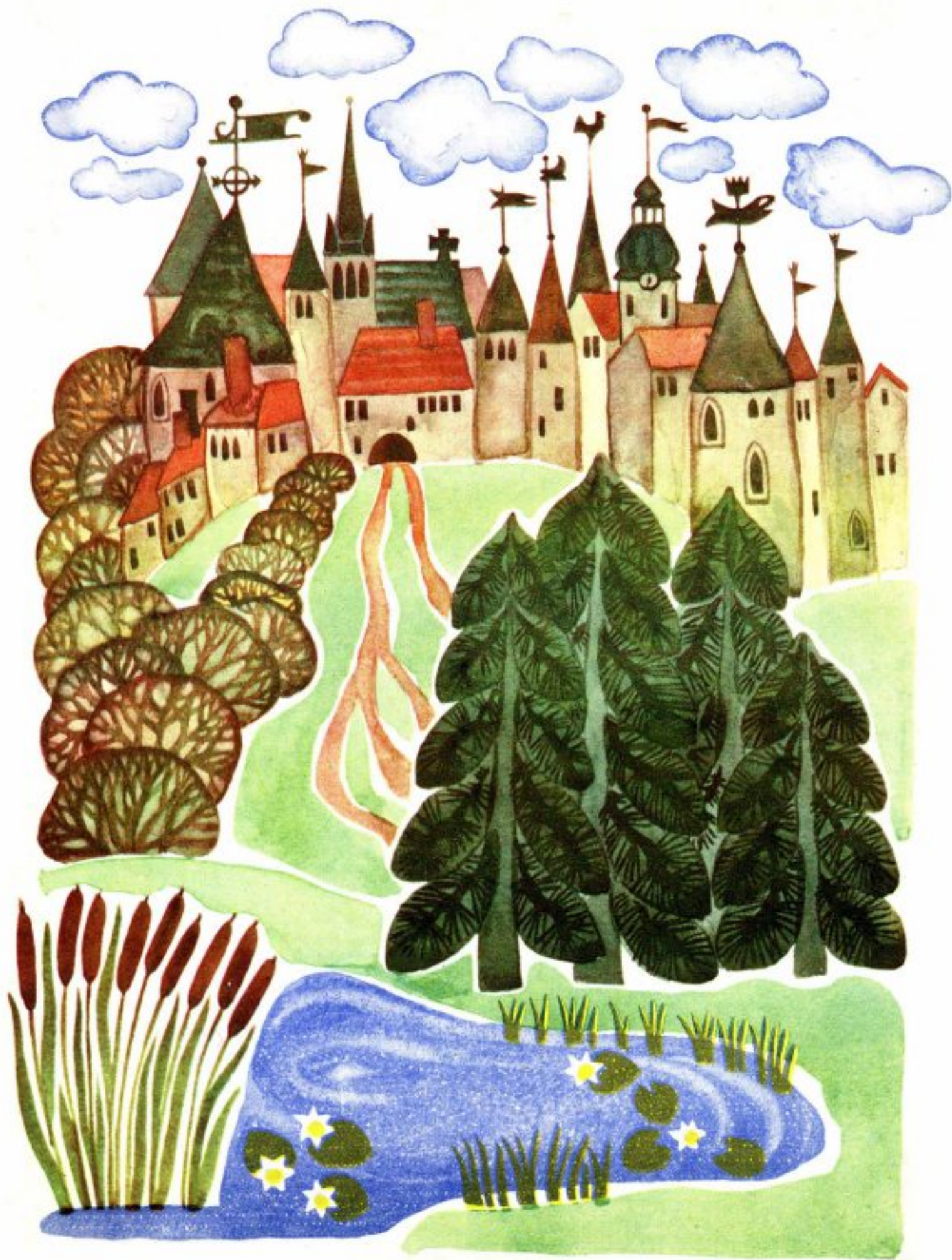

ВОРОБЕЙ ГОТОВИТ КВАС

Эстонские сказки

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ 1971

ВОРОБЕЙ ГОТОВИТ КВАС

Задумал однажды воробей пожить в достатке и решил:

«Неужто я всегда должен утолять свою жажду одной водой. Возьму-ка и сварю себе крепкого квасу».

И сделал: слетал на мужицкое поле, выклевал из ячменного колоса целое зерно, зарыл украденное зерно в сырой мох, сел на него, подождал, пока зерно начало прорасти, взял потом проросшее зерно, отнёс на прошлогоднее пепелище, зарыл в золу, засушил солода, меж двух камней перетёр солод в мелкую и мягкую муку.

Потом прилетел воробей на берег озера, опустил эту мелкую и мягкую солодовую муку в воду.

Бежала мимо мышь, остановилась, спросила с любопытством:

— Эй, дядюшка воробей, ты что тут делаешь?
— Квас готовлю,— с гордостью ответил воробей.
— А мне разрешишь попить?— спросила мышь.
— Попей-попей, только осторожно, нехвати лишнего— квас на этот раз чуточку крепковат,— сказал воробей.

Мышь попила, почмокала, покачала головой, ничего не сказала— пошла своей дорогой.

Примчалась во всю прыть собака с высунутым языком: она только что гнала зайца, и больно ей пить хотелось. Увидела воробья, остановилась и спросила:

— Эй, дядюшка воробей, ты что тут делаешь?

— Квас готовлю,— гордо ответил воробей.

— А мне тоже позволишь попить?— спросила собака.

— Попей-попей, только осторожно, нехвати лишнего— квас на этот раз чуточку крепковат,— сказал воробей.

Собака пила долго и жадно, потом почмокала языком и тоже покачала головой, ничего не сказала— помчалась во всю прыть своей дорогой.

Затем пришла кошка — она недавно полакомилась куропаткой, и её мучила жажда.

Увидела она воробья, который предусмотрительно сел на высокую ветку, поздоровалась с ним и спросила:

— Эй, старый родич и друг, ты что тут делаешь?

— Да квас, всё квас,—ответил воробей новой госте, не спуская с неё глаз, и взлетел на самую верхушку.

— А мне тоже дашь попить?—спросила кошка.

— Попей-попей, только осторожно, нехвати лишнего, квас на этот раз чуточку крепковат,—сказал воробей.

Кошка пила, пила, потом взглянула наверх, сказала медовым голосом:

— Ух ты, батюшки-матушки! Вот квас, так квас. От этого адского питья просто ноги слабеют!

— Ещё бы! Уж я плохого не сделаю,—похвастался воробей и—фьють!—слетел на траву поближе к кошке.

Но кошка была сыта по горло и, мурлыча, отправилась своей дорогой.

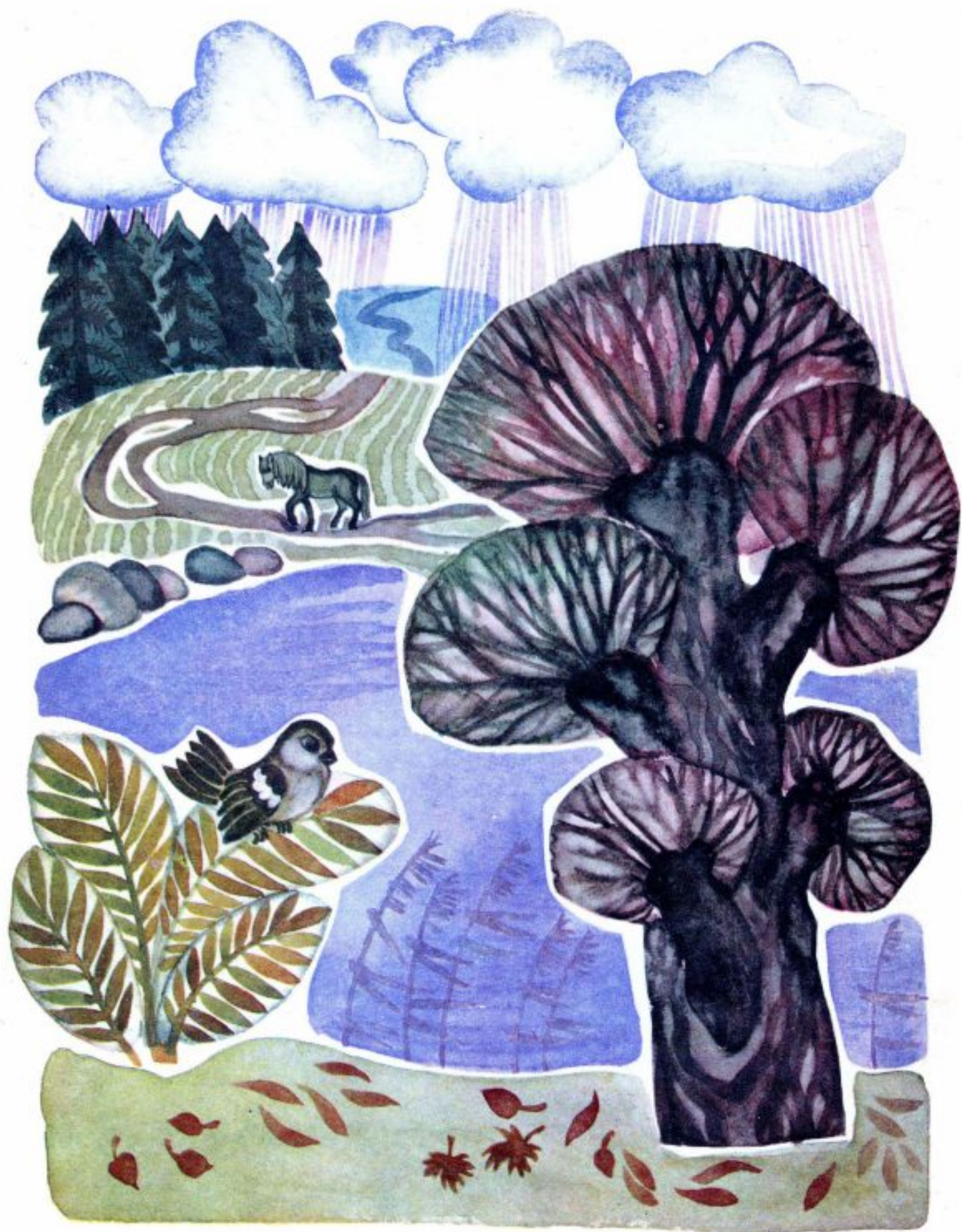
В сумерки пришла на берег старая лошадь, которая больше не работала—её держали только ради шкуры.

Сошла, бедная, ковыляя, с берега, свои грустные думы думая, увидела воробья, пожелала вежливо ему долгих лет и спросила:

— Ну, пичуга, ты что тут делаешь?

— Да квас готовлю, всё квас,—ответил воробей.

— Может, и мне позволишь отпить глоточек?—спросила лошадь.

— Отпей-отпей, только нехвати лишнего, квас крепковат! Ты и так уже слабая и дряхлая, смотри, как бы совсем ноги не отнялись.

Лошадь пила долго, большими глотками, наконец, подняла голову, пофыркала и сказала:

— На вкус недурно. Но только это не квас.

— Как так не квас?—рассердился воробей.—Что же это тогда?

— Вода. Прозрачная и чистая вода,—ответила лошадь.

— Вовсе не одна вода, ты только назло так говоришь. Мышь пила—даже рта не могла раскрыть от удивления.

— Она—добрый зверёк, огорчать тебя не хотела.

— И собака пила—от удивления рта не могла закрыть!

— И у неё сердце доброе—огорчать тебя не хотела.

— Даже кошка пила—эта мудрейшая из мудрых среди зверей—и прямо в глаза сказала, что квас хорош!—настаивал воробей.

— Кошке ты не очень-то верь: она для того хвалила, чтоб заговорить тебя и съесть, когда ты ей в подходящую минуту подвернёшься!—сказала лошадь и, снова сунув морду в воду, сделала большой глоток.

— Но тебе, видно, тоже нравится!—воскликнул воробей.

— Да, мне нравится: это чуточку посытнее поила, которое мне дают и которое называют болтуш-

кой,—ответила лошадь и затем, как все, тоже отправилась своей дорогой.

А сам воробей пил свой квас целое лето и лишь осенью, когда погода стала дождливой и жажда его больше не мучила, подумал:

«Похоже, что вправду жидковат получился... Ишь ты, уже водой отдаёт. На тот год нужно два ячменных зёрнышка принести».

Так он и сделал: на следующий год в самом деле принёс два ячменных зёрнышка.

КУРИЦА И ТАРАКАН

Вышла хозяйка из дому, а дверь закрыть забыла. Курица это заметила и решила: „Надо бы комнату осмотреть как следует“. И тотчас потихоньку шмыгнула в сени, а оттуда юркнула в кухню.

Таракан, который сидел в щели и грелся на солнышке, сердито её окликнул:

— Эй, кумушка, ты что тут бродишь?

— Зашла вот взглянуть, как люди живут,— вежливо ответила курица.

— Что за люди! Это мой дом, люди тут только для того, чтоб мне прислуживать,— ещё более сердито сказал таракан.

— Да кто ж ты такой?

— Я? Странно, что ты этого не знаешь! Ведь я хозяин, я — таракан!

— Ага, так ты и есть таракан.

— Да, я и есть, я и есть. Посмотри на меня хорошенько, чтоб ты в другой раз сразу же меня узнала!

Курица склонила голову набок и посмотрела. Посмотрела, заметила торчавшие из щели усы и понимающе кивнула головой.

Таракан спросил:

— Рассмотрела ты меня?

— Как же, как же, рассмотрела!—сказала курица.

— Страшный я зверь, правда?

— Страшный, страшный.

— Бык и то не больше меня будет!

— Где ему, где уж!

— Да и конь не сильнее меня.

— Не сильнее, нет, не сильнее.

— А какой же я злющий, ух, какой злющий!—воскликнул таракан и пошевелил усами.—Кого схвачу—убью, кого настигну, тот живым не уйдёт!

— Ко-ко-кошмар! Ко-ко-кошмар! Ко-ко-кошмар!—прокудахтала курица и, вновь заглянув в щель, спросила:—Как же ты, кум, своих жертв убиваешь, как их жизни лишаешь?

— Крупных рогами закалываю, а мелочь ножами затапываю,—ответил таракан.

— Чем же ты кормишься, что ты такой могучий?

— Хлеб ем, мясо ем.

— А что же ты пьёшь, что у тебя в теле такая сила?

— Молоко пью, сливки пью. А сейчас—тебя, курица, съем!

— Вот так чудо! Ты, стало быть, откормлен на славу и, должно быть, очень хорош на вкус,—сказала курица и, вытянув шею, выклевала таракана из щели.

Выклевала и проглотила.

Проглотила, покачала головой и разочарованно сказала:

— Вот так хвастунишка! Козявка-букашка и та вкуснее, а уж крупяное зёрнышко намного лучше!

ЛЕСНОЙ ОТЕЦ И ЛЕСНАЯ МАТЬ

Повадилась лиса у крестьянина кур воровать. Жена и говорит ему:

— Голубчик, скоро нам Патрикеевна ни одного пёрышка не оставит. Возьми ружьё, отыщи её и застрели.

Взял крестьянин ружьё, кликнул собак и отправился в лес за лисой. Искал он её, искал и, наконец, видит: стоит в лесу гора, в горе глубокая нора вырыта, а из норы сама Патрикеевна выглядывает, в чепчике из куриного пуха. Крестьянин тотчас вскинул к плечу ружьё, прицелился и выстрелил. Лиса протянула ноги — тут и был ей конец. Бросились собаки к добыче и вытащили мёртвую лису из норы.

Взвалил крестьянин Патрикеевну на спину, домой отправился. Шёл-шёл — и вдруг наткнулся на тетеревиный выводок. Хотел он было вновь вскинуть ружьё, но в последний миг заколебался и подумал: «Стоит ли тетеревят губить? Маленькие ещё они».

Пожалел их и не сделал ничего плохого тетеревиатам. Пошёл дальше своей дорогой.

Отмахал он этак ещё порядочный кусок да вдруг увидел подбитого глухаря. Крыло у бедняжки

сломано, никак взлететь не может: бежит по тропинке, хоть голыми руками его бери.

Хотел было хозяин вновь вскинуть ружьё, но в последний миг остановился и подумал: «Разве хорошо убивать больную птицу! Пускай поправится, пускай выздоровеет, живёт».

Так и не сделал глухарю ничего плохого, пошёл дальше своей дорогой.

Отмахал он этак ещё порядочный кусок, вдруг увидел между деревьями странного зверя: олень — не олень и лошадь — не лошадь. Пригляделся — лось это! Вот уж добыча, так добыча! Хотел ружьё вскинуть, да пожалел зверя, в последний миг остано-

вился, подумал: «Хорошо ли такую красоту убивать? Пусть живёт!»

И лось умчался вскачь — только хвост мелькнул между деревьями.

И вдруг видит крестьянин: дорога незнакомая, место совсем чужое! Постоял, посмотрел, пошёл дальше, а лес становится всё чаще, заросли всё гуще, земля под ногами всё мшистее. Вскоре совсем стемнело, и хозяину ничего больше не оставалось, как присесть на пенёк и покурить трубочку, чтоб с мыслями собраться. Так и сидел он, отдыхал, пока не показалось ему, будто за деревьями огонёк мерцает.

Крестьянин тотчас поднялся с пенёка и зашагал туда, где огонёк светился. Шёл-шёл и, наконец, добрался до большого старого дома. Увидел он, что дверь открыта, и вошёл внутрь.

В доме была просторная комната, в комнате стоял большой стол, за пустым, чистым столом сидели дед да баба. У деда была борода из настоящего мха, одежда из настоящей коры, лапти на ногах из настоящей травы. Баба пряла светлую пряжу, а рядом на ткацком станке была ткань, похожая не на материю, а на чистую, тонкую бересту.

Пока крестьянин всё это разглядывал, дед сказал ему добрым голосом:

— Не бойся, сынок, заходи. Заблудился ты в лесу, придётся, видно, тебе у нас переночевать.

— Да, заблудился, — сказал крестьянин. — Хорошо бы переночевать у вас, если позволите.

— Почему же нет, можно, можно. Присаживайся, отдохни. Ты, наверно, устал порядком... Да и как же Лесному Отцу тебя не приветить, когда ты его детей пощадил: пожалел моих тетёрок, пожалел глухаря больного, лося пожалел. А что лису

подстрелил, о том не печалься, она давно у меня от рук отбилась, непослушной стала: кто послабей, всех загрызала. Да ты не стесняйся, первым делом подкрепиться надо.

Крестьянин огляделся: ишь ты, чудо какое, стол уже накрыт! В мисках из бересты всевозможные дары леса красовались: яблоки, черника, земляника, малина, морошка. Тут же стоял большой берестяной жбан, до краёв наполненный квасом,—руку протяни и бери, лишь ко рту подноси и пей, сколько душа пожелает.

— Ешь-ешь,—принялась потчевать крестьянина бабка.

Поблагодарил их крестьянин, сел за стол, взял яблоко, отведал ягод, отхлебнул квасу из берестяного

жбана. Отхлебнул и чувствует: не квас это вовсе, а пресладкий берёзовый сок.

Наелся крестьянин и сказал:

— Спасибо вам. Обернулось всё к лучшему, а я-то, по совести говоря, боялся.

— Ну, что ты, сынок,— сказал дед,— у кого сердце доброе, тому мы всегда рады помочь.

Утром, когда крестьянин проснулся, дед сказал ему:

— Вот уже и светло стало, теперь ты можешь в путь пуститься. А чтоб ты опять с дороги не сбил-ся, я сам пойду, провожу тебя.

Сказав это, надел дед берестяную шляпу, берестяные лапти, берестяной армяк. А бабка дала хозяину коробочку из бересты и промолвила:

— Отнеси это своей жене в подарок. Скажи: Лесная Мать прислала. Она ведь у тебя тоже, наверное, не зла, не жестока к зверям и птицам.

— К зверям и птицам она не зла и не жестока,— ответил крестьянин и, поблагодарив их, отправился в дорогу.

К утру Лесной Отец вывел его к такому месту, откуда уже околица видна была. Остановился там и сказал:

— Ну, теперь ты и один дойдёшь, бояться больше нечего: ничего плохого с тобой не случится.

И прежде чем крестьянин успел как следует поблагодарить его, дед исчез, словно в землю провалился.

Пришёл крестьянин домой и отдал жене берестя-

ную коробочку. А жена в то утро была очень не в духе: только одним глазом и взглянула она на коробочку. Потом открыла её, увидела, что в ней лишь три высохших зёрнышка, и выбросила вместе с зёрнышками в окошко. А потом сказала:

— Вот пустяковина, стоило ли такое из леса тащить.— И принялась за свои обычные хлопоты.

Там, куда упала берестяная коробочка, уже через несколько дней выросла дивная березка; а там, куда попали высохшие семечки, выросли три яблони, которые той же осенью дали сладкие плоды.

СОДЕРЖАНИЕ

Воробей готовит квас	3
Курица и таракан	11
Лесной Отец и Лесная Мать . . .	15

Для старшего дошкольного возраста

Август Янобсон

ВОРОБЕЙ ГОТОВИТ КВАС

(эстонские сказки)

Перевод Леона Тоома

Художник Н. Попповская

Составление и общая редакция

Виктора Вандова

Редактор Т. Носова. Художественный редактор Г. Крюкова. Технический редактор Т. Щепетова. Корректор Н. Шадрин. Сдано в производство 5/1 1971 г. Подписано в печать 24/VI 1971 г. Вумма офсетная № 1. Формат 60×90/8. Печ. л. 8. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 200 000. Изд. № 1910. Заказ № 964. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, А-65, Вутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 40.

